

Бунина Баратынский окликнул, и Бунин этот зов расслышал. Поэзия была для него тем мигмом узнавания в себе опыта прошлой жизни, через который ему открывался путь в вечность.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-4-201-208

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДА С. М. СОЛОВЬЕВА О ПОЭЗИИ Е. А. БАРАТЫНСКОГО*

(ПОДГОТОВКА ТЕКСТА © В. П. ТРОИЦКОГО, ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
И КОММЕНТАРИИ © Ю. Ю. АНОХИНОЙ)

В 1925 году три заседания Литературной секции ГАХН были посвящены поэзии Е. А. Баратынского. На семинаре подсекции русской литературы прозвучали доклады Ю. Н. Верховского, С. М. Соловьева и Г. О. Винокура.¹ На фоне первого послереволюционного десятилетия всплеск интереса к творчеству Баратынского хоть и кажется удивительным, но имеет объяснение: празднование 125-летия со дня рождения поэта. Кроме того, в 1925 году, как показывает Н. А. Богомолов, члены Литературной секции ГАХН поставили своей задачей изучать историю символизма.² В таком контексте обращение к Баратынскому как одному из тех, кого поэты-символисты считали своими предшественниками, вполне логично: оно предстает предварительным этапом на пути решения основной задачи. Действительно, мироощущение, выразившееся в лирике Баратынского, оказалось во многом близким большинству символистов, например Вяч. Иванову, В. Я. Брюсову, К. Д. Бальмонту,³ а также тем поэтам, которые выступали с научными докладами в ГАХН — Ю. Н. Верховскому и С. М. Соловьеву.

Верховский, как известно, обращался к творчеству Баратынского и как поэт, и как филолог.⁴ Он не только пытался обосновать представление о поэтике Баратынского как о символистской,⁵ но и изучал архивные материалы,⁶ разыскивал неопубликованные произведения и письма поэта, осуществлял научную подготовку Собрания

* Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 17-18-01432), Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН.

¹ 10 апреля Верховский прочел два доклада: «Неизданное стихотворение Баратынского и несколько наблюдений над мотивами его поэзии» и «Из неизданных писем Е. А. Баратынского», в тот же день прозвучала первая часть доклада Соловьева, вторая часть — 29 мая. 5 июня с докладом «Баратынский и символизм» выступал Винокур (Государственная академия художественных наук: Отчет 1921–1925. М., 1926. С. 150, 155, 156; протоколы заседаний см.: РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 23; тезисы докладов см.: Там же. Оп. 2. № 2).

² *Богомолов Н. А.* Другое литературоведение: Занятия Подсекции истории русской литературы ГАХН 1925–1929 // *Русская литература и философия: пути взаимодействия* / Отв. ред. и сост. Е. А. Тахо-Годи. М., 2018. С. 461–476.

³ О традиции Баратынского в XX веке см.: *Гельфонд М. М.* «Читателя найду в потомстве я...»: Баратынский и поэты XX века. М., 2012; *Лекманов О.* Баратынский и старшие модернисты: попытка обобщения // *Параболы: Studies in Russian Modernist Literature and Culture: In Honor of John E. Malmstad* / Ed. by N. Bogomolov. Frankfurt a/M., 2011. С. 29–43 (при участии М. М. Гельфонд).

⁴ О посвященных поэзии Баратынского разысканиях Верховского не только свидетельствуют сохранившиеся материалы, но и рассказывает сам ученый в «Автобиографии»: *Верховский Ю. Н.* Автобиография // *Верховский Ю. Н.* Струны: Собр. соч. / Сост., подг. текста, статья и комм. В. Калмыковой. М., 2008. С. 732.

⁵ *Верховский Ю.* О символизме Баратынского // *Труды и дни. 1912.* № 3. С. 1–9.

⁶ Е. А. Баратынский: Материалы к его биографии. Из Татевского архива Рачинских / С введением и прим. Ю. Верховского. Пг., 1916.

сочинений Баратынского — правда, так и не вышедшего.⁷ В 1925 году в ГАХН Верховский рассказал об обнаруженных им стихотворении «Вот верный список впечатлений...» и письмах поэта Н. В. Путьате. Так, в центре внимания Верховского были, прежде всего, источниковедческие проблемы изучения творчества Баратынского. Винокура, выступившего с докладом «Баратынский и символизм», интересовало, как произведения поэта были восприняты в литературном процессе начала XX века. Докладчик полемизировал с символистским прочтением лирики Баратынского, т. е., в сущности, выступал против интерпретации, предложенной в дореволюционной статье Верховского «О символизме Баратынского» (1912).⁸ Доклад Соловьева, сконцентрировавшегося на художественной философии и проблемах поэтики Баратынского, предстает своего рода «связующим звеном» — между источниковедением и рецензией. Сами формулировки тем докладов показывают, что подход «гахновцев» к творчеству поэта был системным и продуманным.

Часть материалов, связанных с докладами о Баратынском в ГАХН, введена в научный оборот. В России текст доклада Винокура опубликован С. Г. Бочаровым в 2002 году.⁹ Содержание доклада Верховского раскрыто в диссертации С. А. Звоновой.¹⁰ При этом тезисы Соловьева, оставаясь неопубликованными, почти не привлекали внимание исследователей, хотя некоторые ученые указывают на этот материал.¹¹ Между тем знакомство с тезисами позволяет уточнить сложившееся представление об изучении творчества Баратынского в ГАХН. Кроме того, публикуемый материал отражает ход мысли Соловьева не как критика, реагировавшего на литературные новинки, не как переводчика великих писателей-мыслителей И. В. Гете, Сенеки, У. Шекспира, не как филолога-классика, а как литературоведа, в центре внимания которого оказалось творчество одного из самых ярких русских поэтов. Поэтому публикация дает возможность обратиться к лирике Баратынского с нового ракурса — сквозь призму восприятия «последнего Соловьева».

Неясно, была ли поэзия Баратынского предметом исследовательских штудий Соловьева вне заседаний в ГАХН,¹² в отличие от Верховского и Винокура.¹³ Можно предположить, что интерес к творчеству этого поэта у Соловьева возник еще в юности, благодаря И. Л. Поливанову, заменившему на посту директора знаменитой гимназии своего отца. В 1903 году Соловьев был вхож в его дом. В «Воспоминаниях» Соловьев писал: «Иван Львович доставал том Боратынского и анализировал наиболее трудные

⁷ Издательство «Academia» к XVII съезду ВКП(б): Задачи, перечень изданий, план. М.; Л., 1934. С. 78.

⁸ Сущность полемики определил С. Г. Бочаров в предисловии к подготовленной им публикации: Винокур Г. О. Баратынский и символисты: [републикация] / Подг. текста и прим. С. Г. Бочарова // К 200-летию Боратынского: Сборник материалов международной научной конференции, состоявшейся 21–23 февраля 2000 г. (Москва–Мураново). М., 2002. С. 30.

⁹ Там же. С. 28–50.

¹⁰ Звонова С. А. Творчество Ю. Н. Верховского в историко-культурном контексте первой трети XX века. Дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2006. С. 30–31.

¹¹ О существовании тезисов пишет С. Г. Бочаров во вступительной статье к публикации доклада Винокура: Винокур Г. О. Баратынский и символисты: [републикация]. С. 31. Сведения о тезисах дает и Т. Ф. Нешумова в комментарии к письму Д. С. Усова, сообщавшего Е. Я. Архипову о грядущем выступлении Соловьева в ГАХН (Усов Д. С. «Мы сведены почти на нет...»: В 2 т. М., 2011. Т. 2. Письма / Сост., вступ. статья, подг. текста, комм. Т. Ф. Нешумовой. С. 318; письмо от 25 мая 1925 года).

¹² Автор монографии о Соловьеве М. Смирнов замечает, что в 1920-е годы Соловьев «писал литературоведческие работы, оставшиеся неопубликованными: о творчестве Боратынского и о „Гизсте“ Сенеки» (Смирнов М. Последний Соловьев. М., 2014. С. 103). Остается открытым вопрос, идет ли здесь речь о подготовке доклада для ГАХН или о какой-то другой работе.

¹³ Винокур неоднократно обращался к анализу лирики Баратынского, правда, как показал М. И. Шапир, далеко не все замыслы ученый успел довести до конца. Например, незавершенной является статья, опубликованная спустя почти полвека после смерти ученого: Винокур Г. О. Я и ты в лирике Баратынского (Из этюдов о русском поэтическом языке) // Винокур Г. О. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика / Сост. Т. Г. Винокур, М. И. Шапир. М., 1990. С. 241–250.

запутанные философски и синтаксически стихи. Это он делал мастерски. Но мы уже начинали ожесточенно спорить».¹⁴ Поливанов присутствовал на докладе в ГАХН.¹⁵

В свою очередь, сам Соловьев способствовал пробуждению интереса к Баратынскому у Андрея Белого, который вспоминал о том, как вдохновенно его друг декламировал стихи из «Пироскафа».¹⁶

Отсылки к Баратынскому возникают в диалоге Соловьева с другим поэтом-символистом — А. А. Блоком. Например, в письме от 9 июля 1905 года финальная строка из стихотворения «На что вы дни? Юдольный мир явленья...» вплетена в повествование о жизни Соловьева в деревне: «Ловлю рыбу каждый вечер, но не вылавливаю более пяти. Все-таки — это самое теперь прекрасное и „венец пустого дня“».¹⁷ Спустя почти месяц — новое напоминание о Баратынском в письме Блоку от 3 августа: «Особенно не пугайся моей угрюмости, я ищу ее, временно она необходима. Надо увиться как саваном этой угрюмостью, чтобы защищать свою сущность от „дыханья посторонней суеты“».¹⁸ Глубже раскрыть перед адресатом суть своего внутреннего состояния Соловьеву позволяет строчка из стихотворения Баратынского «Чудный град порой сольется...», на что справедливо указывают публикаторы переписки, Н. В. Котрелев и А. В. Лавров.¹⁹

Спустя почти десять лет ироничные стихи из эпиграммы «Люблю деревню я и лето...» выразили отношение Соловьева, находившегося в Дедове, к гостям, на скучную беседу с которыми он сетовал в письме Н. А. Врангель-Левицкой от 30 мая 1916 года.²⁰ Такая «вплетенность» поэзии Баратынского в ткань реальной жизни показывает, что обращение Соловьева к Баратынскому в 1925 году не было случайностью: видимо, оно было подготовлено давним личным интересом к поэту.

И хотя полностью реконструировать доклад, прозвучавший в ГАХН, к сожалению, нельзя, все же интересно проанализировать выдвинутые Соловьевым положения и попытаться восстановить ход его рассуждений.

Первая часть доклада была посвящена лирическому наследию Баратынского, а вторая, главным образом, — поэмам. В центре внимания Соловьева были такие стихотворения, как «Истина» (1823), «Мы пьем в любви отраву сладкую...» (1824), «Наяда» (1826), «Череп» (1824–1826), «Буря» (1826), «Последняя смерть» (1827), «Бывало, отрок звонким кликом...» (1831), «Смерть» (1828–1834), «Не ослеплен я музой моей...» (1832–1833), «Осень» (1837), «Благословен святое возвестивший!..» (1839), «На что вы дни! Юдольный мир явленья...» (1840), «Ахилл» (1841), «Скульптор» (1841–1842), «Люблю я вас, богини пеня...» (1842–1843), «Пироскаф» (1844) и «Дядьке-итальянцу» (1844). Исходя из этого, можно предположить, что стихотворения, созданные Баратынским в зрелые годы, представлялись Соловьеву более интересными, чем ранняя лирика. Во второй части доклада рассматривались поэмы «Эда» (1826), «Бал» (1828), «Наложница» (1831), а также сделанный Баратынским критический разбор «Тавриды» А. Муравьева и письма поэта: к матери — А. Ф. Баратынской, к друзьям И. В. Киреевскому и Н. В. Путяте. Характерно, что внимание докладчика было сосредоточено именно на творчестве поэта, а не на его биографии. Биографические сведения упоминаются только для объяснения мировоззренческих изменений, отразившихся в поэзии. Например, о любви поэта к жене упоминается в связи с тем, что, как полагает

¹⁴ Соловьев С. М. Воспоминания. М., 2003. С. 370.

¹⁵ См.: Усов Д. С. «Мы сведены почти на нет...». Т. 1. Стихи. Переводы. Статьи. С. 477.

¹⁶ Белый А. Начало века: Берлинская редакция (1923) / Изд. подг. А. В. Лавров. СПб., 2014. С. 554.

¹⁷ Переписка А. А. Блока с С. М. Соловьевым (1896–1915) / Вступ. статья, публ. и комм. Н. В. Котрелева и А. В. Лаврова // Лит. наследство. 1980. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 1. С. 398.

¹⁸ Там же. С. 400.

¹⁹ Там же.

²⁰ Письма Сергея Михайловича Соловьева к Наталии Александровне Врангель-Левицкой и ее воспоминания / Публ. и подг. текста Н. Г. Прозоровой и Н. В. Левицкой // Toronto Slavic Quarterly. 2008. № 26 (<http://sites.utoronto.ca/tsq/26/index26.shtml>; дата обращения: 31.07.2021).

Соловьев, именно под ее влиянием представление о бессмысленности жизни перестало быть доминантой миропонимания поэта.

Тезисы отразили взгляд Соловьева на идейное содержание поэзии Баратынского, правда, соловьевское определение ее сущности, на первый взгляд, содержит противоречие. Творчество Баратынского названо «поэзией страсти и мысли». Однако такое определение объединяет два в равной степени значимых для художественного мира поэта начала: иррациональное и аналитическое, в то же время оно подчеркивает психологическую тонкость и философскую глубину творчества Баратынского.

В понимании Соловьева оба существенных для Баратынского понятия — страсть и мысль — многогранны. По мысли Соловьева, представление о страсти в поэзии Баратынского амбивалентно. Любовная страсть имеет деструктивную природу, она разрушает и опустошает душу, на это Соловьеву позволила указать неточная цитата из стихотворения «Мы пьем в любви отраву сладкую...». Вместе с тем сущность страсти онтологически значима, поскольку, по Баратынскому, полнота бытия недостижима без страстей и сомнений — к такому выводу привел докладчика анализ стихотворения «Череп».

Неоднозначность выразившегося в тезисах представления о сущности мысли поэта состоит в том, что эта мысль оказывается наследницей сразу нескольких мало совместимых друг с другом традиций. Докладчик обнаружил в произведениях Баратынского и философию чувственных наслаждений в духе последователей Эпикура (видимо, речь шла о ранних посланиях друзьям-стихотворцам, А. А. Дельвигу, Н. М. Коншину и др.). Соловьев отметил также близкое стоикам представление Баратынского о смерти, представляющей в стихотворении «Смерть» «охранительницей мирового порядка», началом, избавляющим от страданий. И наконец, не остались незамеченными эсхатологические интуиции, выразившиеся в поэтической антиутопии «Последняя смерть». Преодолеть противоречия и внутренний разлад, по Соловьеву, Баратынскому помогли жизненные метаморфозы, а именно — его счастливая женитьба на Н. Л. Энгельгардт. Возможно, что любовь, согласно логике тезисов, привела поэта и к своего рода «высшему синтезу» — преодолению пессимизма, противоречий между мыслью и страстью, в идею «живой веры». В первой части тезисов отмечено, что такого рода «синтез» выразился в стихотворениях «Ахилл» и «Осень». Интересно, что во второй части Соловьев интерпретирует стихотворение «Осень» иначе — как произведение, в котором свойственный Баратынскому пессимизм достиг абсолюта. Представленное в тезисах понимание стихотворений Баратынского не всегда строго беспристрастно. Так, например, Соловьев выступил против идеи поэта об опасности прогресса.

Эстетические воззрения Баратынского тоже были проанализированы в докладе. Мысль поэта о процессе творчества предстает сопряженной с оппозицией рационального и иррационального. Недаром, характеризуя образ «ваятеля» из стихотворения «Скульптор», Соловьев называет инструмент его творчества, резец, прилагательным «постепенный». Слово «постепенно» возникает в произведении Баратынского, где оно усилено наречием «неторопливо». Эти слова раскрывают отношение творца, самого скульптора, к акту созидания, они подчеркивают, что в этом процессе важен не только порыв гения, но и ремесло мастерового. Согласно Соловьеву, еще одним компонентом, кроме порыва-воображения и мастерства, в концепции искусства Баратынского оказывается разум. Риторический вопрос, заданный поэтом в его разборе «Тавриды» А. Муравьева, в тезисах стал декларацией «необходимости» рассудочного контроля над воображением. В понимании Соловьева художник Баратынского — демиург, его разум и воля призваны подчинить себе и преобразовать материю.

Объяснение чуждости гражданских мотивов лирике Баратынского Соловьев находит в письме поэта И. В. Киреевскому. В нем Баратынский рассуждает о том, что современный поэт вынужден сосредоточиться на внутренней жизни, а не на жизни общества, потому что общество еще не готово к восприятию «поэзии веры», то есть гражданской поэзии. Такого рода «эгоизм» поэта позволит лучше понять человеческую душу, а значит, и правдивее раскрыть ее движения в художественном произведении. По Соловьеву, единственным произведением, которому присуще социальное начало,

оказывается поэма «Эда»: в ней действие разворачивается в 1807 году, когда Российская империя утверждала свои позиции в Финляндии.

Определяя место поэм Баратынского в литературном процессе, Соловьев помещает их как бы между творчеством А. С. Пушкина и Ф. М. Достоевского. Пушкинскому творчеству противопоставлены не только поэмы, но и стихотворения Баратынского. Пушкин и Баратынский, по мнению докладчика, соотносятся как античные поэты Гомер и Архилох. Можно предположить, что в основе противопоставления — оппозиция между свойственной произведениям Пушкина эпичностью, его интересам к историческим событиям и склонностью Баратынского к малым жанрам, сосредоточенностью поэта на психологической проблематике.

По Соловьеву, с Достоевским Баратынского роднит стремление к глубокому познанию человеческой природы, в том числе и греховной. Нечто соприродное Баратынскому Соловьев обнаружил не только в творчестве Достоевского, но и в «последующей литературе», которая, как он замечает, в качестве ориентира выбрала не Пушкина, а его собрата по перу. Думается, что здесь докладчик говорил о символистской, в том числе и своей собственной поэзии, неслучайно Соловьев называл Баратынского в числе тех авторов, на которых он ориентировался, создавая первую книгу стихов «Цветы и ладан» (1907), в предисловии к которой писал: «Главными образцами для меня были: Гораций, Ронсар, Пушкин, Кольцов, Баратынский, Брюсов и Вяч. Иванов».²¹

Итак, тезисы охватывают разные аспекты поэзии Баратынского: выразившиеся в ней философско-эстетические идеи, вопросы художественной выразительности. Анализ тезисов показывает, что понимание Соловьевым творчества «поэта мысли» сформировалось в результате вдумчивого и самостоятельного анализа, а не под влиянием его дяди и духовного учителя В. С. Соловьева, который не принял поэзии Баратынского из-за излишней, по мнению философа, рефлексии.²² Представление о внутренней диалектичности, присущей творчеству поэта, роднит С. М. Соловьева скорее с В. Я. Брюсовым, утверждавшим в финале статьи «Мировоззрения Баратынского» (1898), что творческое становление Баратынского — это путь от эпикурейства через нигилизм к «покаянному возвращению к вере».²³

Тезисы доклада представлены в двух частях в виде машинописи и хранятся в РГАЛИ: Ф. 941 (ГАХН). Оп. 2. № 2. Л. 126 (первая часть), Л. 190 (вторая часть). В первой части тезисов фамилия поэта напечатана через «о», во второй — через «а»: при публикации такое начертание сохранено. Пунктуация приводится по машинописному тексту.

П/секц<ия> русск<ой> литературы
Литер<атурная> Секц<ия> РАХН 10/IV — <19>25 г.

ТЕЗИСЫ С. М. СОЛОВЬЕВА: «ПОЭЗИЯ БАРАТЫНСКОГО»

Недоступность поэзии Баратынского. «Необщее выражение»¹ лица его Музы. Пушкин и Баратынский — как два противоположных поэтических типа — Гомер и Архилох русской поэзии. Отрицательный отзыв Баратынского об «Евгении Онегине».² Сравнение стихотворения Пушкина «Нереида» и стихотворения Баратынского «Наяда».³ Баратынский как поэт французской школы.⁴

Баратынский — поэт страсти и мысли. Поэзия разрушительной и опустошительной страсти.⁵ Анализ «глухой глубины сердца».⁶ Антитеза страстей и холодной

²¹ Соловьев С. Цветы и ладан: первая книга стихов. М., 1907. С. 10.

²² О восприятии поэзии Баратынского см.: Анохина Ю. Ю. Личность и поэзия Е. А. Баратынского в русской философской мысли конца XIX — начала XX века: Вл. Соловьев и В. В. Розанов о поэте // Литература и религиозно-философская мысль конца XIX — первой трети XX века. К 165-летию Вл. Соловьева / Отв. ред. и сост. Е. А. Тахо-Годи. М., 2018. С. 310–325.

²³ Брюсов В. Я. Мировоззрения Баратынского // Брюсов В. Собр. соч.: В 7 т. М., 1975. Т. 6. С. 35.

истины.⁷ Страсти и заблуждения, как «условия и пища бытия».⁸ Эпикурейский призыв к «легкомыслию».⁹ Стоический апофеоз смерти, как охранительницы мирового порядка.¹⁰ Картина конца человечества, успехи техники, «великолепный пир разума», бесплодность брачных союзов и общая смерть.¹¹ Смягчение настроения Баратынского под влиянием любви. «Ахилл» и «Осень» — выход из пессимизма в идее «живой веры»¹² и «оправданного промысла».¹³

Понимание Баратынским искусства. Ваятель, прозревший нимфу в глыбе камня и постепенным резцом снимающий кору за корой.¹⁴ Необходимость поверять воображение рассудком.¹⁵ Рифма, как лесное эхо, «златая игра стихов», как отвечание звуков звукам.¹⁶ Страх Баратынского перед его Музой. «Любовь Камен с враждой Фортуны — одно».¹⁷ Переход Баратынского к практическим задачам, занятия сельским хозяйством.¹⁸ Отсутствие общественных интересов.¹⁹ «Поэзия индивидуальная одна для нас естественна». «Эгоизм — наше законное божество».²⁰ Дань русскому империализму в поэме «Эда».²¹

Поэтические приемы Баратынского. Антитеза и контраст. Архаизмы и неологизмы, периодичность. Дактилическая рифма, как <...>²² для Баратынского. Метры Баратынского, комбинация разностопных ямбов.

И по форме, и по содержанию Баратынский прокладывал в поэзии новые, самостоятельные пути и не хотел идти за Пушкиным.²³ Пушкин победил Баратынского, но последующая русская поэзия пошла за «певцом „Пиров“ и грусти томной».²⁴

Баратынский и Италия. Предсмертное путешествие Баратынского.²⁵ Давнее его стремление в «область свободную <влажного>²⁶ бога», и желание господствовать над стихией.²⁷ Поэзия «Пироскафа». Погружение в «роскошно-<вегетативную>²⁸ жизнь Италии». Послание к дядьке-итальянцу Боргезе.²⁹ Смерть Баратынского.³⁰

П/секция русской литературы
Литературная Секция ГАХН 29/V — <19>25 г.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДА С. М. СОЛОВЬЕВА «ПОЭЗИЯ БАРАТЫНСКОГО» (ОКОНЧАНИЕ)

I. Поэмы Баратынского.³¹ Баратынский в своих поэмах стремится быть независимым от Пушкина и прокладывает новые пути. Баратынский — предшественник Достоевского в своем анализе двух областей «сияния и тьмы»,³² в своем сострадании к падшей женщине и «давней жрице любви».³³ Слабость общественных интересов Баратынского. Официальный патриотизм и милитаризм его поэмы «Эда». Мрачный пессимизм поэмы «Наложница». Обычная тема Баратынского: борьба ума с чувством, цивилизации с природой. Стремление Баратынского к искусству жизни, оставление поэзии для забот сельскохозяйственных. Возрастание пессимизма Баратынского до последних пределов в стихотворении «Осень». Поэт, бывший прежде «царем блистательных туманов», осознает себя «созерцателем бесплодных дебрей».³⁴ Душа поэта сомкнула «тесный круг подлунных впечатлений».³⁵

II. Баратынский и Италия. Давнее стремление Баратынского увидеть «небо Торквата».³⁶ Давнее стремление Баратынского к морю. «Гордыне человека» отрадна борьба с «гневом яростных волн океана».³⁷ Предчувствие смерти в стихотворении «Пироскаф». «Роскошно-вегетативная жизнь Италии» в сравнении со «сложной общественной жизнью Европы».³⁸ В природе Компании <так!> Баратынского пленяют яркие контрасты света и тени, четкость очертаний, отсутствие романтической меланхолии задумчивости. Последнее стихотворение Баратынского «Послание дядьке-итальянцу». Контрасты ужасов и нег, «вулканов и цветов». «Златое безмыслие»³⁹ последних дней Баратынского.

III. Заключение. Неверный взгляд Баратынского на значение науки и цивилизации. Отрицательный отзыв Белинского.⁴⁰ Белинский и романтики 40-х годов. Анализ,

антитеза и контраст — типичные особенности мышления Баратынского, как поэта латино-французской школы. Торжество сознания над косным материалом природы, как «победа неги».⁴¹

¹ Из стихотворения Баратынского «Не ослеплен я музою моей...».

² Вероятно, здесь Соловьев имеет в виду отзыв, содержащийся в письме Баратынского И. В. Киреевскому (начало марта 1832 года). Это письмо впервые было опубликовано в «Татевском сборнике С. А. Рачинского» в 1899 году и могло быть известно Соловьеву: «В разные времена я думал о нем разное. Иногда мне „Онегин“ казался лучшим произведением Пушкина, иногда напротив. Ежели б все, что есть в „Онегине“, было собственностью Пушкина, то без сомнения, он ручался бы за гений писателя. Но форма принадлежит Байрону, тон тоже» (Татевский сборник С. А. Рачинского. СПб., 1899. С. 41).

³ Стихотворение Баратынского «Наяда» (1826) — вольный перевод стихотворения А. Шенье.

⁴ 10 сентября 1824 года А. А. Дельвиг писал Пушкину о влиянии французской поэзии на Баратынского: «Послание к Богдановичу исполнено красотою; но ты угадал: оно в несчастном роде дидактической. Холод и суеверие французское пробиваются кой-где. Что делать? Это пройдет! Баратынский недавно познакомился с романтиками, а правила Французской школы всосал с материнским молоком. Но уж он начинает отставать от них» (Русский архив. 1880. Кн. 2. С. 500).

⁵ Соловьев неточно цитирует стихотворение Баратынского «Мы пьем в любви отраву сладкую...» (1825): «Огонь любви — огонь живительный, / Все говорят; но что мы зрим? / Опустошает, разрушительный, / Он душу, объятую им!» (*Баратынский Е. А.* Полн. собр. соч.: В 2 т. / Под ред. и с прим. М. Л. Гофмана. СПб., 1914. Т. 1. С. 69).

⁶ Цитата из поэмы «Бал».

⁷ Возможно, в докладе речь шла о стихотворении «Истина».

⁸ Из стихотворения «Череп».

⁹ Эпикурейские мотивы звучат, например, в послании Н. М. Коншину «Живи смелей, товарищ мой...».

¹⁰ Образ из стихотворения «Смерть».

¹¹ Описанная Соловьевым картина разворачивается в стихотворении «Последняя смерть».

¹² Из стихотворения «Ахилл».

¹³ Из стихотворения «Осень».

¹⁴ Речь идет о стихотворении «Скульптор».

¹⁵ В разборе поэтического сборника «Таврида» (1827) А. Н. Муравьева Баратынский, критикуя автора за неудачный стих, вопрошает: «Можно ли писать таким образом и никогда не поверять воображения рассудком?» (*Баратынский Е. А.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 211).

¹⁶ Такое представление о рифме выразилось в стихотворении «Бывало, отрок звонким кликом...».

¹⁷ Цитата из стихотворения «Люблю я вас, богини пеня!..».

¹⁸ О том, что у Баратынского случались периоды отказа от поэзии в пользу «хозяйственной деятельности», писал М. Л. Гофман в биографической очерке, см., например: *Гофман М. Л. Е. А. Баратынский // Баратынский Е. А.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. LXXXIV.

¹⁹ В поэзии Баратынского гражданские мотивы — редкость. Известна одна политическая эпиграмма Баратынского — на А. А. Аракчеева («Отчизны враг, слуга Царя...», 1824–1825).

²⁰ Цитата из письма Баратынского И. В. Киреевскому (отправлено до 19 июня 1832 года): «Поэзия веры не для нас. Мы так далеко от сферы новой деятельности, что весьма неполно ее разумеем и еще менее чувствуем. На европейских энтузиастов мы смотрим почти так, как трезвые на пьяных, и ежели порывы их иногда понятны нашему уму, они почти не увлекают сердца. Что для них действительность, то для нас отвлеченность. Поэзия индивидуальная одна для нас естественна. Эгоизм — наше законное божество, ибо мы свергнули старые кумиры и еще не уверовали в новые. Человеку, не находящему ничего вне себя для обожания, должно углубиться в себя. Вот покамест наше назначение. Может быть, мы и вздумаем подражать (Barbier), но в этих систематических попытках не будет ничего живого, и сила вещей поворотит нас на дорогу, более нам естественную» (Татевский сборник С. А. Рачинского. С. 47–48).

²¹ Как указывал Баратынский в предисловии к поэме, действие в ней разворачивается в 1807 году: «...перед самым открытием нашей последней войны в Финляндии» (*Баратынский Е. А.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 15). Формулировка Соловьева — явная уступка официозной фразеологии 1920-х годов и насаждавшемуся свыше социологическому методу.

²² В машинописи слово пропущено. Скорее всего, говорилось о том, что дактиль не характерен для Баратынского — так показало исследование, проведенное почти полвека спустя С. Шахвердовым: *Шахвердов С.* Метрический репертуар Е. А. Баратынского (материалы к метрическому справочнику) // *Quinquagenario*. Сб. статей молодых филологов к 50-летию проф. Ю. М. Лотмана. Тарту, 1972. С. 224.

²³ О стремлении к творческой независимости от Пушкина Баратынский писал в предисловии к поэме «Эда»: «...следовать за Пушкиным ему показалось труднее и отважнее, нежели идти новой, собственной дорогою» (*Баратынский Е. А.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 16).

²⁴ Так назвал Баратынского Пушкин в романе «Евгений Онегин».

²⁵ О заграничном путешествии Баратынских писал Гофман: *Гофман М. Л.* Е. А. Баратынский. С. LXXXVII.

²⁶ В машинописи пропущено слово «влажный». Строки из стихотворения Баратынского «Пироскаф»: «С детства влекла меня сердца тревога / В область свободную влажного бога» (*Баратынский Е. А.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 170).

²⁷ Из стихотворения «Пироскаф».

²⁸ Из письма Баратынского Н. В. Путяте, отправленного из Италии в апреле–мае 1844 года (Русский архив. 1867. Кн. 2. С. 294). В машинописи пропущено слово «вегетативную».

²⁹ Итальянец Джьячинто Боргезе был воспитателем Баратынского с 1805 до 1810 года. Исходя из упоминаний о Дж. Боргезе в письмах поэта, Баратынский сохранил дружеское расположение к своему «ментору» и впоследствии.

³⁰ Баратынский умер в Неаполе 11 июля (29 июня) 1844 года. По словам Н. В. Путяты, сердце поэта не выдержало волнений, связанных с внезапной болезнью жены — так об этом писал М. Л. Гофман в очерке о поэте (см.: *Гофман М. Л.* Е. А. Баратынский. С. XC).

³¹ Всего Баратынский написал шесть поэм: «Пиры» (1821), «Эда» (1825), «Телема и Макар» (1827), «Бал» (1828), «Переселенье душ» (1829) и «Цыганка» (1831).

³² Из стихотворения «Благословен святое возвестивший!..».

³³ Неточная цитата из поэмы «Бал».

³⁴ Стремление уйти от поэзии к заботам о хозяйстве поэтически выразилось в стихотворении «На посев леса». Видимо, о нем и размышлял Соловьев.

³⁵ Из стихотворения «На посев леса».

³⁶ Имеется в виду стихотворение «Небо Италии, небо Торквата...».

³⁷ Неточная цитата из стихотворения «Буря».

³⁸ Из письма Баратынского Путятам (апрель–май 1844 года): «В три дня, как на крыльях, перенеслись мы из сложной общественной жизни Европы в роскошно-вегетативную жизнь Италии» (Русский архив. 1867. Кн. 2. С. 294).

³⁹ Из стихотворения «Дядьке-итальянцу».

⁴⁰ В. Г. Белинский ценил художественное мастерство Баратынского, но философия поэта оказалась чуждой критику. Наиболее остро неприятие критиком идей Баратынского выразилось в отзыве на «Сумерки», см.: *Белинский В. Г.* Сумерки. Сочинение Евгения Баратынского. Москва, 1842. Стихотворения Евгения Баратынского. Две части. Москва. 1835 // Отечественные записки. 1842. Т. 25. № 12. С. 49–70.

⁴¹ Из стихотворения «Скульптор».

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-4-208-223

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ И ЕГО «ИСТОРИЧЕСКИЙ ЧИТАТЕЛЬ» (ИВАН ЛУКАШ — КРИТИК РОМАНА «ВЗВИХРЕННАЯ РУСЬ»)

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА
И КОММЕНТАРИИ © Е. Р. ОБАТНИНОЙ)

В современной исследовательской литературе редки случаи репрезентации ранее неизвестных высказываний современников, посвященных творчеству А. М. Ремизова. Такой затерянной на страницах периодики русского зарубежья оказалась статья беллетриста и критика Ивана Лукаша «Мышиная Россия. О книге А. М. Ремизова „Взвихренная Русь“», появившаяся в рижской газете «Слово» 10 сентября 1927 года. Обнаружением факта этой публикации ремизоведение обязано литературоведу-библиографу Ю. И. Абызову, составившему роспись труднодоступного периодического издания,¹ и профессору Л. Спроге, которая в статье «Гонение на ОБЕЗВЕЛВОЛПАЛ: А. М. Реми-

¹ Газета «Слово» 1925–1929: Роспись / Сост. Ю. Абызов. Рига, 2003.